

— В самом престижном французском издательстве «Галлимар» вышла в свет ваша новая книга «Московская сага». Писатель Алан Клавель на страницах журнала «Экспресс» назвал ее «подлинной энциклопедией террора при тоталитарном режиме». Вы согласны с этой оценкой?

— Я не согласен и, кстати, не очень доволен такой оценкой романа. Книга не была направлена на создание еще одной «энциклопедии террора», которых уже много в России. Рецензент выбрал такой угол зрения, но он не коснулся того, что для меня является главным. «Московская сага» — это история семьи, история жизни, быта на фоне чудовищного искривления человеческой природы в советском обществе. Если «Сага о Форсайтах» вся развивается в салонах, на газонах и стадионах, то и моя сага о Градовых, посвященная жизни трех поколений, несмотря на весь ужас фона, тоже развивается — в советском варианте — в салонах, на газонах и стадионах. Просто в быт нашей жизни входили некоторые особые, нетипичные для других европейцев «развлечения» — камеры пыток, ГУЛАГ, предательство, допросы.

— Как ваше произведение приняли в России?

— Очень разная реакция со стороны читателей и критиков. Читатели, насколько я знаю, с удовольствием читают книгу — получаю очень много писем и имею немало устных свидетельств. В то время как у критики была примитивная и крайне неприятная реакция, совершенно несерьезная. Это дурацкие рецензии путем пересказа содержания в ернической манере, в какой любую книгу можно рассказать так, что она превратится в чепуху. Были, конечно, и другие оценки. Так, например, писатель Евгений Попов отозвался о ней как о лучшей книге года.

— Ну а в Америке?

— Там в ведущих газетах и литературных журналах 95 процентов рецензий восторженные. Нет пророка в своем Отечестве?

— Это показывает состояние критики. Появляется новая генерация критиков, называющих себя постмодернистами, которым нужно сделать имя. А его лучше всего сделать, лягнув патриарха. Но если бы это было сделано с артистизмом, то я бы не возражал.

— Из Парижа вы отправляетесь в Израиль. Собираете материалы для новой книги?

— Это будет не сбор материала, а поиски места действия для одной важной сцены нового романа. У меня сейчас в университете я преподаю, 8-месячный академический отпуск. Его я использую для того, чтобы написать как можно больше. Это тоже своего рода сага, но уже рассказанная не традиционно, а более модернистским образом. В каком-то смысле она имеет отношение к проблеме ассимиляции евреев в разных культурах, к попыткам поиска корней.

Прошло время «жизни без вранья»

— Из Израиля вы летите в Россию? С какой целью?

— Увидеть своих. Есть и деловая цель. Из Москвы я поеду в Самару, где с 5 по 9 июня будет фестиваль современного искусства — меня выбрали председателем. Потом отправляюсь в Финляндию, в Лахти, где соберутся писатели, чтобы обсудить тему «Время писать?». С вопросительным знаком.

— Что же вы думаете по этому поводу? По-вашему, сейчас время писателей?

— Нет. Если мы вспомним, какое невероятное значение имел писатель в поздние советские времена, то сейчас оно сведено до минимума. Может быть, это и хо-

рошо. Во всяком случае время писателя как властителя дум, конечно, прошло. Но у него есть другие возможности — быть властителем вкусов, хорошего тона. Прежде всего в литературе, а затем и в жизни. То есть влияние на жизнь уже иного характера, не прямое. Не призывы, не фиги в карманах, не «я обвиняю!», не «жизнь без вранья», а какого-то иного, более тонкого направления. Более западного.

Василий Аксенов:

Письменного стола

в России у меня нет

— Вас не тянет поучаствовать в политической борьбе?

— Абсолютно не тянет. Никакого вкуса к этому не испытываю. Особенно, когда я вижу, как некоторые большие писатели довольно некрасиво проваливаются в этих попытках...

— Да, но древнегреческие философы относили политику к высшему виду искусства и вообще считали ее венцом человеческой деятельности...

— Недавно я отвечал на моментальные вопросы одного русского журнала в Америке — «ваш любимый цвет», «ваш любимый город», «ваш любимый политик»... Я стал перебирать в уме и никого не нашел. Кроме Керенского — по-моему, самый безнадежный политик в истории России. Вот я его и назвал. Видимо, политики — это особый состав людей, особая психология. Мне кажется, эти люди находятся в состоянии постоянного ажиотажа, еле сдерживают свое трепетание. Нет спокойных политиков и на Западе, а о России и говорить нечего. Я видел, как меняются некоторые крупные демократы, которые были вдохновлены действительными изменениями в России. Потом как-то все это выдохлось. И их вдохновение стало иронически называться «романтическим периодом», а реалистическим периодом — лишь возня в московских кабинетах.

Плутократы в кабинетах, убийцы в кулуарах

— Каков все-таки ваш прогноз на дальнейшее развитие политической ситуации в России?

— Пока все выглядит очень печально. Я, может быть, дольше других идеализировал ситуацию. В своем восприятии нынешнего дня я никогда не дойду до союза с коммунистами или с фашистами, но то, что сейчас вижу, это какой-то крайний цинизм. И трусость. Люди не решаются назвать вещи своими именами. Не решаются сказать, что те же самые обан-

кротившиеся политики пытаются вершить судьбами. Слава Богу, там произошел какой-то отбор — они не убийцы, они просто плуты. Настоящие убийцы в кулуарах, ждуть. Произошла парадоксальная ситуация: я думал, что, слава Богу, у нас было так много формальных членов партии — многие миллионы. Это избавило страну от желания посчитаться с коммунистами, она избежала кровавой бани. Но, с другой стороны, те же самые люди, которые еще вчера гундосили весь революционный катехизис, сейчас делают вид, что они этого никогда не делали, распространяя вокруг себя ауру колоссального цинизма. Я описал в «Нью-Йорк таймс» сцену, когда однажды один из бывших крупных

внутри существующего общества, а здесь — развал. Я придумал для себя объяснение. Нет вдохновения, а есть выдохновение. Надо выдохнуть слякоть всякую, перед тем, как вдохнуть заново.

— Какие, на ваш взгляд, литературные процессы происходят сейчас в России?

— Возникает новое поколение — я имею в виду совсем молодых — 20-летних. Я в прошлом году был в Керчи, где состоялся Босфорский форум. Там было очень много молодых и способных ребят, в которых присутствует авангардный дух... Среди нынешнего поколения 40-летних есть много интересных писателей. Но они как бы всю жизнь привыкли себя считать жертвами. В них есть какая-то

60 миллионов наших сограждан, изнасиловали свою церковь, ее храмы, свою интеллигенцию так, что она еле дышит, создали нацию стукачей, доносчиков, стражников и шпионов!..»

— Вы не знакомились в России с вашим досье, которое хранится в КГБ?

— Я думаю попросить у них, но, наверное, не дадут. Например, Войновичу настоящее не дали, а дали какую-то чепуху. Когда мне дали мамино дело в архиве Татари, я даже эссе написал на эту тему. Я там кое-что новое о себе узнал. Когда мне было 18 лет, они меня начали разрабатывать. Для посадки. В 1951 году КГБ Татари запрашивал КГБ Магадана, чтобы те прислали копию дела ма-

обреченность, жертвенность, которая им мешает.

— Можно ли ожидать в обозримом будущем культурного ренессанса в нашем Отечестве? Не грядет ли новый серебряный век?

— Конечно. Сейчас время культурного рассеивания, но писатели наименее способны существовать вне российского контекста. Тогда как живописцы колониями обитают в Германии, в Париже, в Нью-Йорке. Музыканты стали вообще полными космополитами. У писателя все-таки постоянная тяга к своему языку... Это возрождение произойдет, скорее, в литературе, чем в других сферах. И благодаря тому, что все сейчас ездят поперек границ, это будет уже новое явление — европеизированное искусство. Хотя этого так не хотят те силы, которые сейчас начинают играть первую скрипку. Перед нами все та же идиотская историческая проблема — западники и славянофилы. Она принимает все более уродливый оборот — в политическом смысле и в философском. От этой проблемы нам еще долго не избавиться. Я-то считал, что для России, как культурной, так и государственной единицы, единственное спасение — это полная психологическая интеграция в западную христианскую культуру.

— У вас нет ощущения, что сейчас инициативу перехватили славянофилы?

— Я об этом и говорю... Вот в этом одна из причин того, что мне стало гораздо менее приятно посещать свою Родину, — дурацкая антизападническая тенденция, которая опять возникает... Летом прошлого года я выступал в Петербурге в Большом концертном зале, и на эту тему зашел спор. И молодой человек сказал: «Вот вы говорите об интеграции России в Запад. Но мы же несоместимы... Мы — с нашей высокой духовностью, и Запад — с его прагматизмом». И я подумал: «Молодой человек, с высоким лбом и светлым взглядом, как вы можете говорить о высокой духовности в нашей стране после того, как перебили

мы для начала разработки ее сына — студента мединститута. И они меня бы посадили, если бы не умер Сталин.

«Отечество нам «Русский самовар»

— Ваше любимое времяпрепровождение в Москве? «Здесь каждый шаг в душе рождает воспоминания прежних лет»?

— Я так часто теперь приезжаю домой... Правда, недавно в связи с гибелью Листьева я испытал странное ощущение. Он был самый первый человек, который встретил меня в России после 9 с половиной лет отсутствия. Только я переступил порог шереметьевского тоннеля, зажглись лампы, и Влад Листьев сказал: «Добро пожаловать, Василий Павлович!» Для меня в этой его гибели есть какая-то символика... Я еду к своим повидать тех, кого знаю, — милые престельные лица, каких там немало осталось. Но, с другой стороны, я уже не очень дома себя чувствую... В Нью-Йорке есть ресторан «Русский самовар». Он стал своего рода артистическим клубом, куда приходят все, кто прилетает из Москвы, мы там собираемся. И написал хозяину этого ресторана Роману, с которым мы сто лет дружим: «Входи сюда, усталая мужчина, и отдохни от чужеземных свар. Нам целый мир покажется чужбиной — Отечество нам «Русский самовар».

— Не страшно ли вам ездить в Россию? Правда, мы, кажется, пока не догнали по части преступлений Америку.

— Я себя не вижу как мишень. Денег у меня нет, в коммерческих структурах я не участвую, за власть не борюсь. Я думаю, что Россия статистически еще не переплюнула ту страну, где я живу. Там в любой момент какой-нибудь идиот может разрядить свой пистолет из окна проходящего автомобиля.

— Оказавшись в России, как вы поступаете в тех случаях, когда поздним вечером на улице у вас просят закурить?

— Я ему даю. По-моему, уличного хулиганства становится меньше. Сейчас все идет по более крупному счету — борьба структур.

— В Соединенных Штатах вы живете около 15 лет, стали американским гражданином. Один мой знакомый эмигрант после двух десятилетий заокеанской жизни сказал, что он все еще чувствует себя русским в Америке, но уже американцем в России. А вы?

— Я себя, конечно, чувствую русским в Америке. Американцем я не стал и, кажется, уже не совсем русский...

Дуньки с трудностями

— Вы по-прежнему преподаете историю русской литературы в вашингтонском университете Джорджа Мейсона? Не надоело сеять «разумное, доброе, вечное» на американской интеллектуальной целине?

— Бывает, что смертельно надоедает, но бывает, что скучаю по своим мальчишкам. Это не самая плохая работа из тех, что там предлагается. Уже много классов у меня сменилось, и иногда подбираются хорошие ребята, с которыми приятно.

— Вам как писателю что-то дала преподавательская работа?

— Колоссально много. Из довольно невежественного писателя я, может быть, благодаря преподаванию стал интеллектуалом.

— Как относятся к сегодняшней России американцы?

— Если говорить о массе, то Россия для них — это синоним беды. И нельзя сказать, что относятся отрицательно — с симпатией, как к беде. Поэтому книги наши малопопулярны. Берет американец нашу книгу в руки: «О чем это? А, о России... Бедная-бедная, но неинтересная».

— Что вас больше всего восхищает в Америке и, напротив, раздражает в ней?

— Университеты, музеи, колоссальные выставки, состояние классической музыки. Отвращает массовая культура, в частности телевидение.

— Ну а в нынешней России?

— Пресса — это самый потрясающий феномен. Раздражают структуры, те же самые физиономии и бешеная антизападная тенденция.

— В чем отличие американского характера от русского?

— Американцы очень приветливы, а русские — нет. Улыбка — это обычное состояние американской физиономии, но не нашей. Американцы меньше ноют, помогают друг другу, если что-то плохо. У меня прошлым летом в Москве сел аккумулятор. И мне очень трудно было найти человека, который дал бы мне «прикурить». В Америке — остановится любой.

— Как вы относитесь к славе? — Я бы охотно обменял половину того, что вы называете моей славой, на некоторое количество денег.

— Это для вас проблема?

— Я получаю хорошую зарплату. Но американская кредитная система такова, что за годы сложился долг, из которого почти невозможно выбраться.

— «На остаток жизни я осяду в России», — сказали вы мне три года назад. Не внесла ли жизнь коррективы?

— Это было тогда — три года назад. А сейчас я не уверен. Другое дело — я хочу быть поближе к России. Переехать куда-нибудь в Европу... В России пока не могу работать. Есть квартира в доме на Котельнической набережной с видом на Кремль. Но все еще нет моего — фигурально выражаясь — письменного стола.

ПАРИЖ.

На снимке: Василий Аксенов.

Фото Виктора АХЛОМОВА.